

ОСЕНЬ — хорошее время для работы. А разве зимой плохо? А уж весной — сам бог велел. Тем более — летом. Это в сельском хозяйстве у нас четыре беды: зима, лето, весна, осень... А книги пишут вне зависимости от времен года. Конечно, бывают счастливые мгновения. Тут исторические примеры приходят на ум: Болдинская осень. Так она потому только и знаменита, что это была пушкинская Болдинская осень. А сколько людей в это время жило на земле, и ничем особенным для них эта осень не стала.

Чтобы писать, нужен запас покоя в душе — вот это, думается, самое главное. Только где же его взять? «Покой нам только снится...» И боюсь, еще долго будет он в лучшем случае только снится нам. А был ли он раньше? По сути дела, я живу на земле уже третью жизнь: первая — 17 лет до войны, у той жизни не только год, каждый день бесконечно долг, каждый день — узнавание мира; вторая жизнь — вся война; а третья жизнь — послевоенное время. Время? А может, несколько разных эпох?

Помню, до войны говорили у нас в Воронеже: «Вот в старое, мирное, доброе время...» Это значит — до первой мировой войны, до революции, до того, как Воронеж переходил из рук в руки: то Шкуро вторгался, то брал его Буденный... Было ли то старое время таким уж добрым, как сейчас принято вспоминать? Память наша разборчива, она выбирает на свет то, что ей сегодня милей. Но вот что было, то было: и снег был чистый, незакопченный, и воздух неотравленный, и реки чистые текли.

А вот уже из другого разряда воспоминание: взрослые до утра стряп, бывало, у окон, вглядываются, вслушиваются во тьму. А днем стараются виду не показать, слова неосторожно не произнести. Про себя я мог бы сказать, как тот герой Шолом-Алейхема: «Мне хорошо, я — сирота...» Родители мои умерли рано, избежали той участи, которой миллионам и миллионам избежать не удалось.

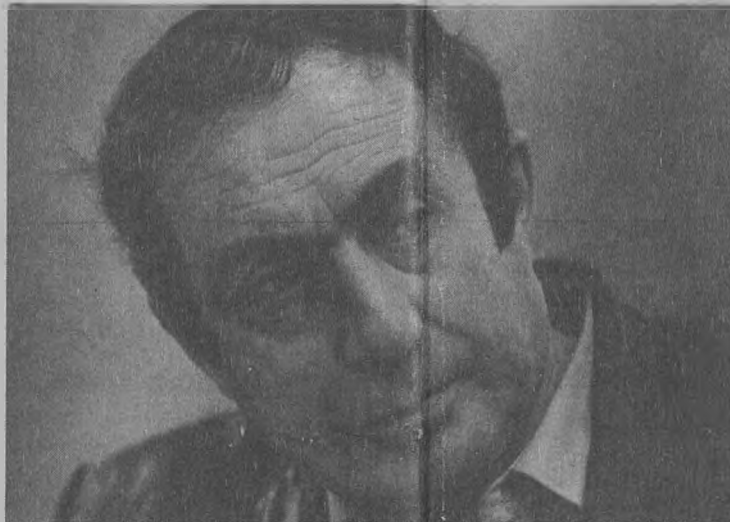
Так вот, в те годы был ли запас покоя в душе, скажем, у Анны Ахматовой, когда она писала свой «Реквием»? Или — у Булгакова, когда он писал «Собачье сердце», по сути дела, писал о крушении мира, о нашествия шариковых и швондеров? Правда, художнику, мастеру даны счастливые минуты, когда он творит свой мир, за это счастье многое можно отдать.

Литературные споры последних лет чем-то напоминают мне сцену из пьесы «На дне», когда Барон говорит, что вот был раньше у него один дом в Москве, другой — в Петербурге, была карета, а Настя, его любовница, кричит со злости: не было! не было! не было!.. Вот так же точно литературные насти и сегодня кричат, что не было, не было никакой советской литературы и в помине.

Те, кто пишет на полях уже созданных книг или на нынешний манер перелистывает творения Хрущева, а развелись еще и такие, которые, стыда не ведая, пристраиваются дописывать книги классиков (вот слух прошел, что и «Войну и мир» Толстого кто-то нацелился продолжить), — к литературе вся эта суета имеет отношение или к коммерции? Что там ни

Отцовские сапоги

Григорий БАКЛАНОВ

Культуру,
нравственность
невозможно ни у кого
ни купить,
ни одолжить
на время

Фото Александра КАРЗАНОВА

В стороне от шумной Никольской, в глубине старого московского двора, где давно уже никто не живет, а хозяйничают одни лишь учреждения, расположилась редакция журнала «Знамя». На улице за толстыми стенами галдят «торговые ряды», здесь стрекочут пишущие машинки. И дверь в кабинет главного редактора постоянно открывается: приходят авторы — маститые писатели или пока еще не известные, начинающие. Встретив свое семидесятилетие — редакция «Литературной газеты» присоединяется к поздравлениям! — Григорий Яковлевич Бакланов рабочего ритма не изменяет. Неизменна и его манера говорить — негромко и доброжелательно.

говори, а литература — это в искусстве перевоплощенная жизнь.

И вот интересная вещь получается: жили-жили, семьдесят лет, как тогда говорилось, «советской действительности» прожили, а литературы советской не было. Не было, говорят, и все! Я уж не беру документальный «Архипелаг ГУЛАГ». К какой традиции эту великую книгу ни относи, но в каждой строке ее — наша жизнь кровотоцит и взгляд на происходящее — взгляд человека нашего времени.

«В страшные годы ежовщины я провела семнадцать месяцев в очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то «опознал» меня. Тогда стоявшая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда в жизни не слыхала моего имени, очнувшись от собственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

— А это вы можете описать?

И я сказала:

— Могу.

Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом». Вот так писался «Реквием», его востребовали современники.

Ну, а вся наша литература о войне — это что, о войне 1812 года? Хороша ли, плоха ли была жизнь нескольких поколений, но она была, и литература наша — лучшие книги — совершила то, на что способно лишь искусство: не дали исчезнуть ей бесследно, «остановили мгновение». А ведь и народы, и цивилизации исчезали, не будучи закреплены в слове.

Литературные насти заняты делом весьма понятным: им надо, чтоб ничего до них не было, вот тогда они есть. На выкопленном лугу сразу все пни вырастают.

НЕ ТАК давно я получил рукопись человека моего поколения, фронтовика, а рукописи фронтовиков я, как правило, прочитываю. Он — автор ряда известных

текстов песен. Возможно, мы ошибаемся, но рассказы его нам не показались, а два стихотворения мы отобрали в номер, и я ему тут же позвонил. И вдруг совершенно случайно увидел конец передачи о нем по телевидению. А говорил он вот что: сейчас, мол, «толстые» журналы агонизируют, и он рад видеть их агонию, поскольку они не печатали... Словом, не меня в раю, так пусть там хоть осел кувыркается. И вообще страшновато выходит, если продолжить аналогично, пошире раскрыть смысл его слов.

Жизнь так называемых «толстых» журналов далека от райской, каждый день — выживание. Цена, которую платят подписчики, скажем, за журнал «Знамя», сегодня втрое меньше того, во что на самом деле обходится журнал. И потому едва ли не все время наше уходит на устройство, скажем так, дел хозяйственных, а когда удается собраться, поговорить о литературе, о том главном, в чем смысл нашей работы, так расходимся, как с праздника.

И тем не менее «толстые» журналы, насколько я знаю, не агонизируют, а уж что касается журнала «Знамя», я просто заверить вас могу в этом.

Упали тиражи? Да. Но что же в том удивительного, если бумагу сегодня поставляют по ценам, недавно еще немислимым: в 360 раз дороже? И тем не менее журнал «Знамя» по тиражу не так уж отличается от «Нового мира». А Твардовского лучших его времен: 90, 110, 127 тысяч — вот какой был тогда тираж «Нового мира». Влияние «Нового мира» на духовную жизнь общества было огромно, однако и сейчас не могу я понять, почему оставался так невелик тираж. Газеты в ту пору все были на одну колодку, общество было закупорено, доходило до людей не информация, а слухи, и если пробивалось слово правды — через подтекст или между строк, — так именно там, в «Новом

мире». В этом смысле конкурентов у него не было.

Дешевизна газет, литературных изданий той поры — это было великое благо. Но благо не случайное: в предначертании, в идеале, так сказать, все они должны были служить делу партии, проводить ее бессмертные идеи, а на это денег не считали.

В Москве в самом конце Комсомольского проспекта, перед окружной дорогой стояло огромное полотно: Ленин в фуражке примятой, с красным бантом в петлице, благостно улыбался и напутствовал нас жестом руки: «Правильной дорогой идете, товарищи!» Это было при Хрущеве. Свергли Хрущева, воцарился Брежнев. А Ленин — забыли, что ли, про него за множеством дел? — все так же, на том же месте заверял нас: «Правильной дорогой идете, товарищи!..»

Сейчас лозунги меняются быстро. На травяном откосе при въезде на метромост (все в Москве же) раньше, если не ошибаюсь, выкладывали дерном по песку «Слава КПСС!», во всяком случае, на многих травяных откосах выкладывали эти буквы, теперь там выложено дерном «Smirnov». Кто платит, тот заказывает музыку, дело известное. А ведь бутылка этой водки стоит сегодня дороже, чем годовой комплект журнала, скажем, «Знамени», или «Октября», или «Нового мира».

Но представим себе, что «толстые» журналы агонизируют, то есть находятся в предсмертном состоянии, и уже ясно, чем это завершится. Кому-то, как оказалось, радостно это видеть, кто-то испытает совсем иные чувства. Но случится на самом деле что-либо, если пресечется эта старая российская традиция? Или ничего не случится? Были — не стало... Столько исчезло, столько пресеклось!

Сегодня литература живет и дышит пока что лишь в «толстых» журналах, здесь появляются новые имена, что-то из этого в дальнейшем вызывает спо-

ры на страницах газет. Какое издательство сегодня без риска прогореть возьмется издать никому неведомого автора? Дорогу в жизнь дадут им «толстые» журналы. И пока они живы, литература жива и творится. А человек устроен так, что книгу про его жизнь, про день сегодняшний ему и классика не заменит. Классика культурный человек перечитывает за свою жизнь не один раз, в раннем возрасте он открывает в ней одно, в позднем возрасте ему открывается другое. Но дай мне понять себя сегодняшнего, время, в котором я живу, осмыслить. Услышать современника.

Нет, что ни говорите, а «толстые» журналы были и остаются пока что центром духовной жизни.

К СОЖАЛЕНИЮ, я не веду записных книжек, хотя знаю, что это нужно, и даже многим давал этот полезный совет. И не всегда я записываю или отмечаю хотя бы заинтересовавший меня факт, потому не смогу сейчас вспомнить точно место, где это происходило, и век. Но это было. Короче говоря, завоеватель с бою взял город, а город этот был воинственный, не сразу удалось силе одолеть силу. И что же, он перебил войнов, отдал город на поток и разграбление? На смену поколению приходит другое поколение, и вспоминаются обиды, и вырастают мстители... Нет, победитель поступил по-другому: он растлил жителей города, устроил то, что теперь называют сладкой жизнью. В большом количестве открылись соответствующие заведения и т. д. и т. п. и в относительно краткий срок люди потеряли человеческий облик, исчезло понятие чести, и бывшие воины уже не способны были брать за оружие.

Вся эта нечистота, а было, разумеется, не для того рассказана, чтобы указать пальцем на ту лоточную порнографию, которую ныне можно встретить у нас на каждом шагу. Речь о другом.

Дожив до такой необходимости и переступив через стыд, мы научились покупать хлеб за границей. Но культуру, но нравственность невозможно ни у кого ни купить, ни одолжить на время. Взаимовлияния возможны, но свою культуру народ создает сам. И нравственные понятия сам вырабатывает. И завещает их.

Пока народ жив, духовная жизнь его не иссякает. И он творит культуру. Как многие редакторы, я за эти годы перечитал горы рукописей и могу сказать: литература не иссякла, она творится, есть новые, интересные писатели, за ними — будущее. Чего нет? Нет того мощного взрыва, который произошел в искусстве в краткую хрущевскую оттепель, когда одно за другим вошли в литературу, в кино, театр, музыку, живопись, короче говоря, вошли в искусство два могучих поколения (по годам их десятилетие разделяло), они вошли одно за другим, захватив и брежневское время.

Сейчас повсеместно слышны стоны: культура гибнет, культура в ужасном состоянии... И правда, как-то сразу обнаружилось, что на грани разрушения был Малый театр, кажется, все же успели спасти; в катастрофическом состоянии Большой. А консерватория! А музеи! Да отчего же так сразу, вдруг?

Жаловался, помню, мне старик один на своего сына: «Разве они так умеют вещь беречь, как мы, бывало? Я сапоги тридцать лет носил, и целы были. Отдал Семке донашивать, а он года не проносил и выбросил».

Давайте попробуем посчитать по пальцам: сколько в Москве за все послевоенные годы построили театров? Музеев? Не переименовали, а построили? И не окажется ли, что мы отцовские сапоги донашиваем? Отчего это вдруг они разваливаться стали? Вроде бы еще недавно были крепкие совсем...

Культура, простите меня за общеизвестное, требует средств. И немалых. Где взять? Прежде всего — не отнимать. Не платить актеру меньше, чем уборщице, а врачу — меньше, чем дворнику. Вспомним, что сделали американцы, когда мы, изумив мир, первыми запустили спутник в космос, каков был их первый шаг в предстоящем состязании? Первое, что они сделали, — прибавили зарплату учителям.

Кому сейчас не понятно, что картины старых мастеров бесценны? Но ведь и то, что создается сейчас, не все, не все, разумеется, но что-то из этого со временем станет бесценным. Так почему ж мы не хотим обогатить (и материально тоже) наших внуков сейчас, когда это еще не требует больших средств?

Утверждают, что Сталин в свое время грозил Молотову: министром культуры сошлю! И, действительно, дальше некуда. Но культура, да простят меня за такое вольномыслие, это не министр культуры. И даже не целое министерство. Культура — это деятели культуры, как принято называть, а проще говоря, те, кто ее творит. И отношение к культуре — это отношение к ним, именитым и не столь именитым.

Но в нас все еще «отцовские» нравы. И мы все еще ходим в отцовских сапогах. Может, правда, раньше умели их лучше носить, но нам пора уже надеть другие.